

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ БЫЛИНЫ-БАЛЛАДЫ «АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА БРАТЬЕВ ПЕТРОВИЧЕЙ» И СЛАВЯНСКИХ БАЛЛАД О ГИБЕЛИ ОБЕСЩЕНОЙ СЕСТРЫ КОСАРЕЙ

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОВПИК

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова: Российская Федерация,
119234, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1)

***Аннотация.** В статье прослежены генетические связи славянских песенно-эпических, в первую очередь балладных, сюжетов, построенных на коллизии «сестра — ее братья — любовник сестры». В большей их части обещанная сестра гибнет, причем по вариантам часто встречаются архаические мотивы инцеста и посмертных превращений тела; образ любовника временами мифологизируется, теряя человеческие черты. Протагонист и антагонист повествования могут зеркально меняться местами, что отражает восприятие основного конфликта с позиции своего или чужого рода. Возникновение этого круга сюжетов произошло в пору кризиса запечатленных ими первобытных отношений с господством экзогамного брака — в то время как под «братьями» понимались все молодые мужчины рода женщины, враждебные ее избраннику как чужаку.*

***Ключевые слова:** славянские народные баллады, генезис и эволюция песенно-эпических сюжетов, историческая поэтика фольклорных жанров.*

Былина-баллада «Алеша Попович и сестра братьев Петровичей (Сбродовичей и пр.)» известна в сравнительно небольшом количестве вариантов (с учетом южнорусских балладных песен в нашем распоряжении 32 текста, большинство представляют песенно-эпическую традицию Пинегы и Зимнего берега Белого моря; единичные записи происходят с Карельского берега, Онеги, Мезени, Печоры; на юге и юго-западе России встречаются балладные песни, соотносящиеся с севернорусской былинной-балладой). Немногочисленны и исследования, специально посвященные ей, если не считать, как правило, весьма кратких примечаний к опубликованным текстам в классических былинных сборниках

и антологиях, это глава «Алеша — “бабий пересмешник” и сюжет Цимбелина» в исследовании А. Н. Веселовского «Южнорусские былины» [Веселовский 1884] и полемическая по отношению к ней небольшая глава об этой былине в разделе «Позднейшие былины о сватовстве» книги В. Я. Проппа «Героический эпос» [Пропп 1999, 418–427]; также надо особо упомянуть очень подробный и аналитический комментарий к текстам былины-баллады Ю. И. Смирнова в антологии «Добрыня Никитич и Алеша Попович» [Добрыня Никитич 1974, 406–413].

Нам интересно выявить генетические и типологические связи сюжета этой былины-баллады и его место в общем корпусе песенно-эпических и родственных им

произведений песенного и прозаического фольклора.

Былина-баллада «Алеша Попович и сестра братьев Петровичей» обычно начинается пиром у князя Владимира. На пиру все пьяны-веселы и похваляются кто чем (общее место былин). Сидят там и два (редко три) брата (Сбродовичи, Петровичи-Бродовичи, Збородовичи; Лука и Матвей, дети Петровые), которые или сами, или по приказу князя хвастают своей сестрой Олёной (Анной, Анастасией, Натальей), которая сидит за семью стенами/дверьми/замками:

Она станом-то статна да полном возрости,
Ишше лицюшко у ей да как белой снег,
Глаза-ти у ей да как у сокола,
Ишше щёрные брови да как у соболя
([Григорьев 2002, № 68/104], Пинега);

А сидит она у нас да в задней горници,
Штобы лишняя люди ею не заздрили,
Штобы красное солнышко ю не запекло
([Беломорские старины 2002, № 93], Зимний берег);

Буйны-ти ветры не завеют ей,
Цясты-ти дожди не замоцат ей,
Добры-ти люди не засмотрят ей
([Григорьев 2002, № 49/85], Пинега).

В ответ им с места вскакивает Алеша Попович («Выскоцил Олёша Поповиц млад» [Григорьев 2002, № 49/85]) и весьма прозрачно намекает на свое очень близкое знакомство с их сестрой:

Я видал вашу веть сестрицю
А в единой рубашечки без поеса,
Я в единых цюлоциков без чоботов
([Григорьев 2002, № 82/118], Пинега — вариант, исполненный М. Д. Кривополеновой);

Уж я знаю про вашу сестру родимую,
А видал я, видал да на руки сыпал,
На руки я сыпал, уста челоивал
([Ончуков 1904, № 3], Печора) —

или просто незамысловато сообщает:

Ай живу я с вашей Олёнушкой, будто
я муж с жоной
([Беломорские старины 2002, № 93], Зимний берег).

Братья, не поверив, берутся проверить это заявление богатыря (как правило, по научению самого Алеши Поповича) — кидают ком снега в окно или закрытые ставни сестрина терема, на что она, отперев окно, откликается:

Уж ты гой еси, Алешинька Попович млад!
Без тебя у меня кушанья призащёрстнули,
Питьица медвяны застоилися
([Киреевский 1861, 69], Шенкурск) —

и приглашает Алешу войти, сообщая, что братьев дома нету. Осрамленные братья в гневе хотят казнить сестру, срубив ей голову или даже закопав живьем в землю:

Укора ты наша да молодецкая,
Просмеха ты наша да вековесная!
([Григорьев 2002, № 68/104], Пинега).

В последний момент «напуском смелый» Алеша наезжает на братьев, казнящих сестру, и увозит ее к венчанию; иногда он похищает ее у них хитростью (вариант М. Д. Кривополеновой), что тоже весьма типично для образа этого богатыря; иногда он улаживает конфликт миром, сватаясь при помощи старших товарищей (Илья, Добрыня), мирясь с братьями и заполучая таким образом жену законным путем; иногда даже выкупает ее «за три сотни».

Так выглядит этот сюжет в большей части вариантов своей былинной версии, и в таком именно виде он и исследуется в упомянутых работах А. Н. Веселовского и В. Я. Проппа. Нужно отметить, что в центре внимания обоих ученых (и критики Проппом Веселовского) стоял скорее не сам сюжет, а центральный образ богатыря Алеши. Если Веселовский, а также О. Миллер, Дашкевич, Лобода (см. у Проппа краткий обзор немногочисленных исследований сюжета [Пропп 1999, 583–584]) видели в этой былине снижение героического образа Алеши и трактовку его как «бабьего пересмешника», ловеласа, представляющего в весьма нелестной обрисовке, то Пропп, наоборот, считал, что здесь Алеша выступает «во всем блеске своего богатырства»; былина же в целом, по его мнению, осуждает жестокий общественный строй (в лице братьев и богачей, хохочущих над казнью), восхваляет богатыря, вырывающего невесту не из пасти мифического чудовища, а из лап не менее страшных чудовищ человеческих,

и основная ее идея — отстаивание права на свободную любовь [Пропп 1999, 425–426]. Структурно-типологических сопоставлений сюжета у Проппа вовсе нет, у Веселовского они натянуты (приводится весьма отдаленная параллель — «Испытание верности жены», т.е. АТ 882а; гораздо ближе было бы АТ 315 «Звериное молоко / Сестра-изменница»).

Балладная трактовка сюжета (с гибелью сестры), как отметил В.Я. Пропп, встречается sporadически [Пропп 1999, 419, 426] и, по мнению как Проппа, так и Веселовского, является результатом искажения исконно героической былины, стирания жанровой специфики и редукции ее в более позднюю форму баллады. На первый взгляд это так и есть. Действие баллады обычно не приурочено к Киеву, в ней нет ни Владимира, ни Апраксии, ни богатырей и лишь отдельные, наиболее старой записи, ее варианты сохраняют имя главного героя «Алешенька Попович» (в большинстве же действует безымянный попович) ([Русская баллада 1936, № 5], Орловская губ.). Особенностью балладной версии является трагический финал: братья действительно казнят сестру — отрубая ей голову и бросают ее соблазнительно под ноги. Есть лишь один выдержанный в былинном стиле вариант с Русского Севера (с Киевом, Владимиром и т.д.), в котором сестра погибает ([Былины Севера 1938, № 21], Мезень), причем братья разрывают ее на части. А.М. Астахова тем не менее сочла именно этот извод сюжета древним [Былины Севера 1938, 553], что В.Я. Пропп объявил «несомненным заблуждением» и «результатом искажения и непонимания истинного смысла былины» [Пропп 1999, 427].

Однако обращает на себя внимание очень широкое распространение именно балладной версии сюжета — его пусть и «sporadические», по определению В.Я. Проппа, записи локализованы от востока Европейской России до запада Белоруссии. Кроме того, сюжетная коллизия «герой соблазняет сестру, стерегемую (двумя) братьями» реализован во многих славянских эпических песнях. К тому

же и в севернорусском былинном эпосе балладная версия сюжета встречается не только в единственном варианте былины «Алеша Попович и сестра братьев Петровичей» [Былины Севера 1938, № 21]. Как было указано выше, при рассмотрении былинных сюжетов упомянутые исследователи считали основным присутствие образа Алешы Поповича, а не сходство построения сюжета, и поэтому ни Веселовский, ни Пропп не упомянули о том, что этот сюжет (и именно в балладной версии) реализован еще в двух (правда, очень редких) севернорусских былинах-балладах (ранее нас на них обратил внимание Ю.И. Смирнов в уже упоминавшемся мной пространном комментарии [Добрыня Никитич 1974, 408]).

Одна из них — представленная семью записями былина «Иван Дудорович и Настасия Волховишна» (или Митреяновна) с Терского берега Белого моря¹ (там была еще одна далекая версия — поздняя, легендарная трактовка этого сюжета — «Иван Дородорович и Софья-царевна», в которой герои живут в духовном общении и гибнут невинною жертвой клеветы и грязных подзоров). Обращает на себя внимание, что здесь, в этих архаичных по многим признакам текстах, сам протагонист носит то прозвище или отчество², которое в былине об Алеше прикреплено к его противникам — братьям Петровичам. Действие былины связано с семьей волхва: и братья, и сестра — волховичи. Иван пускает стрелу, залетающую в терем, и приходит за ней, после чего и засиживается у Настасьи. Являются братья и, застав Ивана у сестры, выводят вон, где убивают его, отсекив голову, а тело «позмельчили и раскинали по чисту полю». Голову приносят сестре, после чего Настасью, ударив о сыру землю, хоронят, вероятно, еще живо ([Беломорские старины 2002, № 234], Терский берег).

Другая былина — известная лишь на Русском Устье (низовья реки Индигирки) «Федор Колыщатой и Софья Волховнишна». Записано всего три варианта. Волховичи хвалятся сестрою на пиру у Владимира, их стыдит Федор; после этого Федор

¹ Известна была и в семье сказителей Крюковых с Зимнего берега, так как А. М. Крюкова была родом с Терского берега.

² Неясной этимологии, как писал В. Я. Пропп [Пропп 1999, 419], а Д. М. Балашов связывал его с диалектными словами «дудора», «дудыры» — шашни, волокитство — и считал признаком того, что Иван был отрицательным персонажем баллады [Народные баллады 1963, 384].

едет к Софье и сообщает ей печальную весть о том, что во хмелю проговорился об их связи. Оба горюют. Приезжают братья и велют Федору выйти на крыльцо («в доме кровянить не хотим»), где и убивают двумя ножами или копьями. Сестра после этого закололась или повесилась [ФРУ 1986, № 132].

Широта распространения именно балладного извода сюжета о несчастной сестре двух братьев и ее любовнике (здесь я не рассматриваю подробно южнорусские, лиризованные версии³), наличие архаических деталей в этих весьма редких, реликтовых, текстах позволяет нам поддержать мнение А. М. Астаховой, напрасно отвергнутое В. Я. Проппом, об исконности именно такой, трагической для сестры развязки. Подобную точку зрения высказывал и Д. М. Балашов: «Есть все основания предположить <...>, что безымянная баллада в ряде северных вариантов включила имя былинного богатыря Алеши Поповича и приобрела счастливый конец» [Народные баллады 1963, 384].

Прежде чем привести дополнительные доводы в пользу этого предположения, остановимся на нескольких важных, на наш взгляд, утверждениях Ю. И. Смирнова из упомянутых выше комментариев в антологии «Добрыня Никитич и Алеша Попович». По мнению исследователя, древнейшими прототипами этой эпической песни «были произведения, в которых термином “братья” наделялись молодые люди одного поколения с девушкой (“сестрой”), принадлежащие к одному “роду-племени”, для которого нормой были эндогамные браки, т. е. фактически кровосмешение. Избранник же сестры принадлежал к экзогамному племени, почему и искал себе жену на стороне [Добрыня и Алеша 1974, 407]. Хотя допускаемое Ю. И. Смирновым существование, пусть и в древности, славянских племен, для которых нормой были кровосмесительные эндогамные браки внутри своего рода, вызывает сомнения, тем не менее

мне представляется очень важным наблюдение ученого, что в этом сюжете имплицитно присутствует мотив инцеста братьев и сестры. Братья фактически скорее предпочли бы для сестры безбрачие, чем допустили бы, чтобы с ней встречался молодой человек. Есть над чем задуматься: если представить протоформы этих произведений в древнейшую эпоху, то почему братья в них могли быть против брака сестры — не для себя ли берегли?

Следы былого присутствия темы инцеста прослеживаются вплоть до самых поздних трансформаций этого сюжета. Например, в крайне редком севернорусском духовном стихе о сестре Марье (нам известно всего два варианта) братья запирают ее в келью «при мхах, при болотах», «без дверей и без окошек, да без щелья да без просвету», куда к ней проникает в одном варианте гостинный сын, а в другом — вообще абстрактная «злая сила», соблазняет и забирает с собой [Соколовы 2007, 244–245; АКФ, 1951 г. ФЭ 01: 0830–0831⁴]. При этом, как выясняется из одного из вариантов (во втором на этом месте пропуск), братья, по сути, погребают свою сестру заживо описанным выше образом после смерти одного из них, по его завещанию. Для чего? По логике народного христианства и духовного стиха — чтобы сидела в келье и молилась о его душе. Но за этим поздним переосмыслением отчетливо виден архаический мотив погребения женщины вместе с умершим супругом (а вовсе не братом).

Это становится еще более ясным в свете рассмотрения еще одной баллады (практически совсем выпавшей из поля зрения исследователей фольклора), в которой также повествуется о сестре двух братьев и ее горестной судьбе.

Балладный сюжет «Сестра косарей утопилась от обиды», по данным указателя Ю. И. Смирнова «Восточнославянские баллады и близкие им формы» [Смирнов 1988, 58, № 134], дополненным нашими собственными разысканиями, известен

³ Их я касался в более раннем докладе на конференции, тезисы которого опубликованы [Ковпик 2004]. В. И. Чернышев считал их «потускневшими копиями с былины, сохранившимися в такой местности, где оригинал давно забыт» — во многом из-за сохранения имени главного героя или хотя бы «сына-поповича» ([Русская баллада 1936, 376] — сюжет назван «Братья и нескромная сестра»).

⁴ Зап. от Евгении Федоровны Кавадеевой, 46 лет, колхоз «Рассвет Севера», Холмогорский р-н, Архангельская обл. Соб. Н. И. Савушкина, Ж. Витензон.

в России, на Украине, а также в Польше. Везде эта баллада достаточно редка: нам известно менее двух десятков ее записей (19: 11 — русских, 7 — украинских, 1 — польская, из Мазовии, и та отрывочная⁵). География распространения восточнославянских вариантов весьма любопытна; она широка, хоть и избирательна. Все украинские тексты происходят с юго-запада Украины, из Восточной Галиции и Северной Буковины (территория нынешних Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской, Черновицкой обл.), записывались со второй половины XIX в. и до конца XX в.; регион их распространения, таким образом, достаточно компактен, и бытовали они на его территории устойчиво. Русские варианты представляют два довольно удаленных друг от друга региона, по которым разбросаны места их обнаружения: во-первых, это юг и юго-запад России (Курская, Орловская, Брянская обл.); во-вторых, Среднее Поволжье / Волго-Вятский регион (русские села Татарии, нижегородское Заволжье, вплоть до Никольска на самом юго-востоке Вологодской обл.). Самый ранний русский вариант содер­жится в рукописном песеннике первой половины XVIII в.; место его записи, как и для еще 4 вариантов из рукописных песенников второй половины XVIII в., точно не установлено [Позднеев 1996, 382–383]; самый поздний из русских вариантов записан в 2000 г. ([АКФ], Орловская обл.).

Состав основных мотивов сюжета и персонажей этой баллады на всей территории ее распространения весьма устойчив. Братья (обычно два, редко три или неназванное количество) отправляются на сенокос. Их сестра (обычно одна, редко две) несет им еду. По дороге ей встречаются два (редко три) дворянина (разбойника, казака, неженатых парня) и приказывают держать своих коней, а сами тем временем отнимают и съедают обед, предназначавшийся братьям (реже — проливают его):

Ой, под лесом, лесом, под лесом высоким
Да Аленкины братцы там сено косили,

Ой, Аленка-сестрица да обед им носила.
Ой, встрели Аленку, ой, три разбойнички,
Ой, стали Аленку, стали разоряти:
Молочную кашу стали разливати,
Да молочную кашу на сочную траву
([Савельева 1995, 37], Брянская обл.);

Ой два братчики сіно косили,
А Ганя сестра їсти носила.
Здибали її два нежонатих,
Дали Ганнуні коня тримати,
Дали Ганнуні коня тримати,
А самі сіли снідання їсти
([Мишанич 1981, № 171], Львовская обл.).

Сестра с досады упускает коней в поле, а сама бросается в воду (или хочет это сделать). Братья, услышав об этом, бросают косы и проклинают сено, «съевшее» их сестру:

«Не знаю, мне держати, не знаю, опустити?»
Опустила коня во чистое поле:
«Сама кинусь-брошусь во матушку Волгу!»
Услыхали братья сестрин голосочек,
Побросали косы, свои сенокосы:
«Вот проклято сено, сестру нашу съело!»
([АКФ, 1984 г.], Татарская АССР)⁶,

Наиболее заметное отличие русских вариантов от украинских на уровне состава сюжетобразующих мотивов — в России неизвестны посмертные превращения тела утонувшей сестры, обязательные на Украине. Например, в записи из окрестностей Збруча описание этих превращений занимает больше половины текста:

Сама скочила в синєе море;
Ой якъ скакала, наповѣдала,
Щобы въ тѣмъ морю воды не брати,
На водѣ пѣна,— щобѣ не сбирати,
На травѣ роса,— щобѣ не шипати,
Въ лѣсѣ береза,— щобѣ не рубати,
Въ лузѣ калина,— щобѣ не ломати,
Въ терну тернина,— щобѣ не сбирати,
На грущцѣ груша,— щобы не рвати.
Бо въ морю вода — Гандзына врода,
На водѣ пѣна — Гандзына мѣна,

⁵ Ст. Черник, перепечатавший в своей антологии «Polska epika ludowa» единственный польский текст этой баллады «Przygoda siostry» («Poszło dwóch braci zieloną łączkę kosić...») из сборника О. Кольберга, не знал других славянских вариантов и отметил, что песня эта, очень мало распространенная, скорее всего, местная мазовецкая [Czernik 1958, 322].

⁶ Зап. от Екатерины Зотовны Левановой, 1902 г.р., местная, малограмотная, д. Шунак, Заинский р-н, Татарская АССР.

А въ травѣ роса — Гандзына коса,
 Въ лѣсѣ береза — Гандзыне тѣло,
 Въ лузѣ калина — Гандзыне личко,
 Въ терну тернина — Гандзыни очи,
 На грушцѣ груша — Гандзына душа
 ([Головацкий 1878, 677], Тернопольская обл.).

В украинских текстах не встречаются проклятия братьев покосам и сену, «съевшему» их сестру; зато сестра всегда топится — в русских вариантах до этого доходит лишь в половине. Это относится и к обеду братьев, съеденному чужаками, пока сестры держали коней. В украинских текстах этот эпизод неизменно присутствует, а около трети русских записей его лишены. Это, а также посмертные превращения делают украинские варианты в целом более архаичными, нежели русские.

Казалось бы, где тут инцест? Вроде бы здесь даже нет речи о сексуальной связи, добровольной или вынужденной, ни с братьями, ни с чужаками. Однако довольно прозрачная традиционная символика образов и мотивов текста легко прочитывается именно в таком смысле, также это подтверждается близкими сюжетными параллелями.

Просьба молодца к девушке «судержать» или «перенять» его коня обычна для свадебных песен предвенчальной поры — невеста в них, как правило, отвечает: «Я хочу — коня судержу, не хочу — коня отпущу» [Русская свадьба 2000, № 182] — т.е. она еще не во власти жениха. Конь — известный мужской эротический символ (неслучайно в свадебной песне уже в доме жениха поется о том, как его сорвавшийся с привязи конь ворвался в зеленый сад и сломал или потоптал там ягодные кусты (калину, вишню, смородину и пр.) — иносказание первой брачной ночи [Русская свадьба 2001, № 379, 380]). Таким образом, просьба держать коня — иносказательное обозначение предложения любовной связи.

Примерно то же значение имеет и совместная еда или питье молодца и девушки или угощение, которое она предлагает ему (вспомним, кстати, цитированный выше отрывок из шенкурского текста

«Алеши и сестры братьев Петровичей», в котором героиня, соскучившаяся по Алеше, говорит: «Без тебя у меня кушанья призачёрстнули, / Питыцца медвяны застоялися» [Киреевский 1861, ч. 1, вып. 2, 69, Шенкурск]).

Украинский и польский тексты прямо подтверждают именно такое прочтение этих символических формул. В мазовецком варианте после того, как напавшие на сестру юноши «na łące siedli, śniadanie zjedli, dziewczyna zapłakała: “Moje wianeczki z drobnej ruteczki, nie będą was miała”» ([Czernik 1958, 322], Mazowsze). А в украинской балладе козак заставил девушку «коничейка тримати»:

Тримаю коня до темньої ночі,
 Впала росойка, впала зимнейка на мої
черні очі,
 Не так на очі, як на жовтую косу —
 Ой вже ж я на ній віночка не доношу
 ([Балады 1987, 320], Львовская обл.).

В обоих случаях утрата венка, понятно, означает потерю невинности.

Но ведь сестра изначально несла еду своим братьям на покос. А чем чревато для девушки носить еду косарям (даже без встреч с чужаками), ясно видно из широко распространенной на Украине, а также в Белоруссии баллады «Василь сіно косить» [Смирнов 1988, 19, № 14]: носила, носила девушка ему еду, пока, наконец, не дошедши до покоса, родила внебрачного ребенка; спрашивает она у Василя, что теперь будет с нею, а он от нее отказывается; она гибнет, части ее тела претерпевают посмертные превращения⁷. Таким образом, мотив «девушка носит еду в поле брату» содержит намек на возможность инцеста.

То, что эта возможность вполне может реализоваться, видно в болгарской балладе «Марко знае сестра си за либе» («Марко коси трева на планина...») [СБНУ 1993, 326]):

Нече Яне морѣ
 Брату леб да носи.
 Майкя ву говори:
 «Иди, Яне морѣ,

⁷ Есть баллады, в которых девушка носит еду не косарю, а пастуху, пахарю, козаку, что «пшениченьку сіє», с тем же, впрочем, итогом. Кстати, в одном из вариантов рассматриваемой нами баллады о гибели обесчещенной сестры косарей братья тоже не косят, а пашут («Пішли два братів в поле орати» [Головацкий 1878, 677]).

Иди, мила щєрко:
 Друшки че те чўят,
 Та че ти се смєят.
 Па пошло е Яне
 Брату леб да нєси:
 «Добрò ютро, братко!» —
 «Дал Бог добрò морє,
 Моє првн'о либе!»
 Яне му говòри:
 «Братко, мили братко,
 Ако ме не знєаш
 Твоя мила сестра,
 Одведи ме, братко,
 У гòра зелєна,
 Рєзрежи ме, братко,
 На чєтири дєла!»
 [СБНУ 1935, 400, Каменица]

Брат так и делает (ср. [Былины Севера 1938, № 21], где сестру разрывают на части). Где падают части тела сестры, появляются сосны, ручьи, лес и «цр'ьква Марийца». Этот вариант из нескольких имеющихся в моем распоряжении особо ценен именно наличием посмертных превращений тела сестры, сближающих его с украинскими записями баллады о гибели сестры косарей. Кстати, эти посмертные превращения обычны для восточнославянских баллад об инцесте брата и сестры — или неосознанном, или иносказательно выраженном (имею в виду песни, где брат с сестрой идут через воду — этот мотив является символом брачных отношений — и сестра тонет [Марченко, Петрова 1993, 229]).

Итак, для былины-баллады «Алеша Попович и сестра братьев Петровичей» довольно легко выявляются многочисленные родственные сюжеты в песенно-эпическом (а также прозаическом) фольклоре славянских народов. Прежде всего, это несколько балладных сюжетов, в которых гибнет обесчещенная сестра двух (или более) братьев, причем в части из них явно говорится о произошедшем инцесте, а другие содержат иносказание любовной

связи (совместная переправа через воду, предложение угощения, просьба «судержать» / перенять / напоить коня). Среди них есть и такие произведения, в которых герой (подчас он теряет человеческие черты и предстает как змей, «зверек», см.: [Русская баллада 1936, № 161] и варианты, приведенные там же на с. 427–428, или «злая сила»), соблазняет сестру, охраняемую братьями.

Древнейшими прототипами исследуемых текстов были такие, где «братья» означали всех молодых мужчин рода, враждебных избраннику сестры как чужаку. Сестра же была «обречена» стать изменницей своему роду в силу господствовавшей нормы экзогамных брачных отношений. Архаичность балладной версии сюжета дополнительно подтверждается привлечением для сравнения материала сказок (прежде всего типа АТ 315 «Звериное молоко»). Наиболее ярко и в поздних записях баллад прослеживаются характерные для сказок мотивы заточения девушки, так что ее не обвевают ветры, не видят ни солнце, ни месяц, мимо не пролетает сокол, не проезжает добрый молодец на коне; этим же балладам известно изображение сестры «неумойкой», сродни Золушке или Крошечке Хаврошечке сказок («наша сестрица из умных разумна: на улицу не выходя, бела лица не умая, сама себе не образя, никому себе не окажа» — [АКФ, 1999 г.], Белгородская обл.).

Множественность решений конфликта, наблюдаемая особенно при учете южнославянских версий сюжета, свидетельствует о его возникновении в пору кризиса запечатленных им первобытных общественных отношений, а также о долгой и разнонаправленной эволюции двух его изводов, отражающих восприятие основного конфликта с позиции своего или чужого рода, в соответствии с чем зеркально меняются местами протагонист и антагонист повествования.

Литература

Балади 1987 — Балади: Збірник текстів / Упор. О.І. Дей, А.Ю. Ясенчук; вступ. ст. О.І. Дей. Київ, 1987.

Беломорские старины 2002 — Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко; Отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб., 2002.

Былины Севера 1938 — Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора / Зап., вступ. ст. и ком. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938.

Веселовский 1884 — Веселовский А. Н. Алеша — «бабий пересмешник» и сюжет Цимбелина (Южнорусские былины ([Т. 2]. Ч. III–XI), ч. XI) // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1884. Т. XXXVI № 3. С. 381–401.

Головацкий 1878 — Головацкий Я. Ф. Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878. Ч. I–III.

Григорьев 2002 — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг., с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. СПб., 2002. Т. 1.

Добрыня Никитич 1974 — Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1974.

Киреевский 1861 — Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1861. Ч. 1. Вып. 2.

Ковник 2004 — Ковник В. А. Следы архаических форм песенного эпоса в южнорусской фольклорной традиции // Механизм передачи фольклорной традиции: Матер. XXI Междунар. молодеж. конф. памяти А. Горковенко (СПб., РИИИ, апрель 2001 г.) / Отв. ред. и сост. Н. Н. Абубакирова-Глазунова. СПб., 2004. С. 176–179.

Марченко, Петрова 1993 — Марченко Ю. И., Петрова Л. И. Балладные сюжеты в песенной культуре русско-украинско-белорусского пограничья // Русский фольклор. Т. 27: Межэтнические фольклорные связи / Отв. ред. С. Н. Азбелев. СПб., 1993. С. 205–257.

Мишанич 1981 — 3 гір карпатських: Українські народні пісні-балади / Упор., підгот. текстів, вступ. ст., приміт. та словник С. В. Мишанича. Ужгород, 1981.

Народные баллады 1963 — Народные баллады / Вступ. ст., подг. текста и прим. Д. М. Балашова / Общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л., 1963.

Ончуков 1904 — Печорские былины / Записал Н. [Е.] Ончуков. СПб., 1904.

Позднеев 1996 — Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII–XVIII вв.: Из истории песенной силлабической поэзии / Отв. ред. В. М. Гацак. М., 1996.

Пропп 1999 — Пропп В. Я. Русский героический эпос / Коммент. ст. Н. А. Криничной. Сост., науч. ред., имен. указ. С. П. Бушкевич. М., 1999.

Русская баллада 1936 — Русская баллада / Пред., ред. и прим. В. И. Чернышева; Вступ. ст. Н. П. Андреева. М.; Л., 1936.

Русская свадьба 2000 — Русская свадьба: В 2 т. / Сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов. М., 2000. Т. 1.

Русская свадьба 2001 — Русская свадьба: В 2 т. / Сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов. М., 2000. Т. 2.

Савельева 1995 — Савельева Н. М. Суземские песни. Вып. 1: Календарные песни. М., 1995.

СбНУ 1935 — Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. 40: Й. Захариев. Каменица: Географско-этнографско изучване. София, 1935.

СбНУ 1993 — Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. 60: Български народни балади и песни с митически и легендарни мотиви / Авт. кол.: Л. Богданова, Ст. Бояджиева, Н. Кауфман, К. Михайлова, Л. Парпулова, Св. Петкова, Ст. Стойкова. София, 1993. Ч. 1.

Смирнов 1988 — Смирнов Ю. И. Восточнославянские баллады и близкие им формы: Опыт указателя сюжетов и версий / Отв. ред. Е. П. Наумов. М., 1988.

Соколовы 2007 — Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых 1926–1928 гг. по следам Рыбникова и Гильфердинга: В 2 т. Т. 1: Эпическая поэзия / Вступ. ст., подгот. текстов, науч. коммент., справ. аппарата В. А. Бахтиной; Отв. ред. В. М. Гацак. М., 2007.

ФРУ 1986 — Фольклор Русского Устья. Отв. ред. С. Н. Азбелев, Н. А. Мещерский. Л., 1986.

Czernik 1958 — Polska epika ludowa. Opracował St. Czernik. Wrocław; Kraków, 1958.

Сокращения

АКФ — рукописный архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского устного поэтического творчества филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1; тел.: +7 (495) 939-25-64; e-mail: kovpik@yandex.ru

GENETIC RELATIONS BETWEEN BYLINA-BALLADES “ALYOSHA POPOVICH AND SISTER OF PETROVICHS THE BROTHERS” AND SLAVIC BALLADES ABOUT DEATH OF THE MOWERS’ DISGRACED SISTER

VASILII KOVPIK

(Moscow State University named after M.V. Lomonosov:
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation)

Summary. There in the paper genetic relations between plots, based on the collision with a sister, her brothers and her lover involved in, are traced for Slavic oral epic songs, primarily ballades. The disgraced sister dies in the majority of considered texts. Motifs of incest and post-mortem transformations of her body are involved, her lover turns to be mythologized, losing human features. The protagonist and the antagonist can be reversed mirror-like in the plot-character narrative structure. It reflects perception of the basic conflict from the perspective of the maiden's either own or alien kindred.

Uprise of this ballade circle dates back to the period of crisis of primitive relations with prevalence of exogamous marriage, while "brothers" were understood as all the young men belonging to the woman's kindred and hostile to her chosen one as an outsider.

Key words: Slavic folk ballades, genesis and evolution of the oral epic plots, historical poetics of folklore genres.

References

Astakhova A.M. (record., preface, comm.) (1938) *Byliny Severa* [Bylina Epics of the North]. Moscow; Leningrad. Vol. 1. In Russian.

Azbelev S.N., Meshcherskiy N.A. (ed.) *Fol'klor russkogo Ust'ya* [Folklore of the Russian Ustye] (1986). Leningrad. In Russian.

Bakhtina V.A. (preface, prep., comm.) (2007) *Neizdannye materialy ekspeditsii B. M. i Yu. M. Sokolovykh 1926–1928 gg. Po sledam Rybnikova i Gil'ferdinga* [Unpublished Materials of the Field Expeditions of B. M. and Yu. M. Sokolovs the Brothers, 1926–1928. On the Trail of Rybnikov and Cil'ferding]. In 2 vol. Ed. by V.M. Gatsak. Moscow. Vol. 1. In Russian.

Balashov D.M. (preface, prep., comm.), **Astakhova A.M.** (ed.) (1963) *Narodnye ballady* [Folk Ballades]. Moscow; Leningrad. In Russian.

Bogdanova L., Boyadzhieva St., Kaufman N., Mikhaylova K., Parpulova L., Petkova Sv., Stoykova St. (1993) *B"lgarski narodni baladi i pesni s miticheski i legendarni motive* [Bulgarian Folk Ballades and Songs with Mystic and Legendary Motifs]. *Sbornik za narodni umotvoreniya i narodopis* (SBNU) [Miscellanea of Folk Creativity and Ethnography]. Sofia. 1993. Book 60. In Bulgarian.

Chernyshev V.I. (ed., comm.), **Andreev N.P.** (preface) (1936). *Russkaya ballada* [Russian Ballade]. Moscow; Leningrad. In Russian.

Czernik St. (ed.) (1958) *Polska epika ludowa* [Polish Folk Epics]. Wroclaw; Krakow. In Polish.

Grigor'ev A. D. (2002) *Arkhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigor'evym v 1899–1901 gg., s napevami, zapisannymi posredstvom fonografa* [Arkhangel'sk "Bylina" Epics and

Historical Songs. Collected by A. D. Grigor'ev in 1899–1901, with Melodies, Recorded by means of Phonograph] (2002). In 3 vol. St. Petersburg. Vol. 1. In Russian.

Dey O.I. (comp., preface), **Yasenchuk A. Yu.** (comp.) (1987) *Baladi* [Ballades]. Collection of Texts. Kiiv. In Ukrainian.

Golovatskiy Ya. F. (1878) *Narodnye pesni Galitskoy i Ugorskoy Rusi* [Folk Song of Galicia and Ruthenia]. Moscow. Part I–III. In Russian.

Ivanova T.G., Azbelev S.N., Marchenko Yu. I. (eds.) (2002) *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi. Sobranie A. V. Markova* [White Sea Starina Epics and Spiritual Verses. Collected by A. V. Markov]. St. Petersburg. In Russian.

Kireevskiy P.V. (1861) *Pesni, sobrannye P. V. Kireevskim* [Songs. Collected by P. V. Kireevskiy]. Moscow. Part 1. Issue 2. In Russian.

Kovpik V.A. (2004) *Sledy arkhaiskikh form pesennogo eposa v yuzhnorusskoy fol'klornoy traditsii* [Traces of Archaic Forms of the Song Epics in Southern-Russian Folklore Tradition]. *Mekhanizm peredachi fol'klornoy traditsii* [Transmission Mechanism of Folklore Tradition]. Proceedings of the 21st International Youth Conference in Memory of A. Gorkovenko (St. Petersburg, Russian Institute of Art History, April 2001). Ed. by N.N. Abubakirova-Glazunova. St. Petersburg. Pp. 176–179. In Russian.

Kulagina A.V., Ivanov A.N. (comp.) (2000–2001). *Russkaya svad'ba* [Russian Wedding.]. In 2 vol. In Russian.

Marchenko Yu. I., Petrova L.I. (1993) *Balladnye syuzhety v pesennoy kul'ture russko-ukrain-sko-belorusskogo poganich'ya* [Ballade Plots in the

Song Culture of the Russian-Ukrainian-Belarusian Borderland]. *Russkiy fol'klori* [Russian Folklore]. St. Petersburg. 1993. Vol. 27. Pp. 205–257. In Russian.

Mishanich S. V. (comp., prep., preface, comm., vocabulary) (1981). *Z gir karpats'kikh: Ukrain'ski narodni pisni-baladi* [From the Carpathian Mountains: Ukrainian Folk Songs-ballades]. Uzhgorod. In Ukrainian.

Onchukov N. E. (1904) *Pechorskie byliny*. Zapisal N. [E.] Onchukov [Pechora Bylina Epics. Recorded by N. E. Onchukov]. St. Petersburg. In Russian.

Pozdneev A. V. (1996) *Rukopisnye pesenniki XVII–XVIII vv.: Iz istorii pesennoy sillabicheskoy poezii* [Manuscript Songsters from the 17th–18th Centuries: From the History of Song Syllabic Poetry]. Ed. by V. M. Gatsak. Moscow. In Russian.

Propp V. Ya. (1999) *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian Heroic Epics]. Comm., preface by N. A. Krinichnaya. Comp., ed., name index by S. P. Bushkevich. Moscow. In Russian.

Saveleva N. M. (1995) *Suzemskie pesni*. Vyp. 1: *Kalendarne pesni* [Songs of Suzemka. Issue 1. Calendar Songs]. Moscow. In Russian.

Smirnov Yu. I., Smolitskiy V. G. (eds.) (1974) *Dobrynya Nikitich i Alesha Popovich* [Dobrynya Nikitich and Alesha Popovich]. Moscow. In Russian.

Smirnov Yu. I. (1988) *Vostochnoslavjanskije ballady i blizkie im formy: Opyt ukazatelya syuzhetov i versiy* [East-Slavic Ballades and Close Forms: Probes on Index of Plots and Versions]. Ed. by E. P. Naumov. Moscow. In Russian.

Veselovskiy A. N. (1884) *Alesha — «babiya peresmeshnik» i syuzhet Tsimbelina* [Alesha the Derider of Women and Cymbeline Plot]. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk* [Miscellanea of the Department of the Russian Language and Literature of the Academy of Sciences]. St. Petersburg. Vol. XXXVI, No. 3. Pp. 381–401. In Russian.

Zakhariev Y. (1935) *Kamenitsa: Geografsko-etnografsko izuchvane* [Kamenitsa: Geographical-Historical Studies]. *Sbornik za narodni umotvoreniya i narodopis* (SBNU) [Miscellanea of Folk Creativity and Ethnography]. 1935. Book 40. Sofia. In Bulgarian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: kovpik@yandex.ru

Tel.: +7 (495) 939-25-64

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

PhD (Philology), Associate Professor, Folklore Department, Faculty of Philology, Moscow State

University named after M. V. Lomonosov
